

Денис Ханов

Рига, Латвия

ЧЕМУ И ЗАЧЕМ УЧИЛИ ЕВРЕЕВ В РИГЕ В НАЧАЛЕ XX в.? ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РИЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОПЕ

Введение. Образование и культурная политика

В современной Латвии образование все стремительнее становится одной из главных ценностей общества. Новые средние и высшие учебные заведения, широчайший выбор курсов, заочное обучение и возможность учебы за рубежом стимулируют развитие рынка в области образования. Параллельно развивается и сеть учебных заведений национальных меньшинств. В Латвии существуют и успешно действуют школы еврейской, польской, литовской, украинской и других национальных общин¹.

Параллельно образование является и предметом споров и ожесточенных дискуссий политиков разных флангов, а так же средств массовой информации. Весь 2003 и 2004 г. не стихали дебаты по поводу изменений и дополнений к закону об образовании, изменений пропорций языков обучения².

Обобщая множество версий и позиций в вопросе о реформе системы образования в Латвии, на первый план выходит попытка соединить аргументы «за» или «против» реформы с возможностью или невозможностью развивать этническую идентичность. Язык и культура, по представлению противников реформы, получают основу для развития в школе. Любые изменения размеров языкового пространства в школе воспринимается как влияние на жизнеспособность культуры. Газета «Час», которая активно поддерживала акции протеста противников реформы, использовала военную лексику для повышения интереса к противникам реформы, употребляя слова вроде «победа», «поворотный пункт в истории» и пр.³

Оглядываясь в прошлое образовательной политики национальных меньшинств, можно констатировать существенные отличия от современной ситуации. Одним из важных факторов отличия были политический и правовой статус различных этнических групп в регионе, который кардинально изменился после 1918 г.

Стремления к сохранению и развитию своей идентичности и конкурентоспособности в условиях стремительного роста экономического значения прибалтийских губерний принимали различные формы и преследовали различные цели. Если латышская и эстонская интеллигенция и будущие политики в XIX в. стремились освободиться от давления немецкой культуры и позднее, в начале XX в., от русификации в области образования, то позиция и политика прибалтийских евреев во многом отличалась от принципов образовательной политики латышей.

Лидеры еврейской общины, сосредоточенные в Риге и создававшие различные формы неформальной координации развития еврейской культуры в Прибалтике, по-разному определяли цели и задачи образования евреев. Несмотря на различия и противоречия, споры и конфликты, речь о которых пойдет ниже, основываясь на анализе архивных материалов рижского отделения *Общества для

распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), можно сформулировать основную цель образовательной политики еврейской общины в начале XX в. в прибалтийских губерниях.

Выдвигаемая в настоящей статье гипотеза: образование являлось средством для достижения материальной, интеллектуальной и духовной самостоятельности индивида как неотъемлемой части еврейской общины. На первый план выступает синтез индивидуального благополучия, коллективной стабильности и конкурентоспособности. Успех образовательной политики еврейской общины таится в ориентации на требования рынка труда в Прибалтике в начале XX века.

В качестве примера образовательной политики в статье анализируется деятельность рижского отделения ОПЕ, которое было основано в 1898 году. Деятельность отделения прослеживается до 1914 г., когда изменения в европейской политике принесли радикальные изменения и в Прибалтику.

Главная цель анализа заключается в стремлении обнаружить и выделить такие элементы в образовательной политике рижского отделения ОПЕ, которые должны были привести к позитивным изменениям внутри еврейской общины. Под такими изменениями подразумеваются: повышение уровня благосостояния членов общины, увеличение возможности доступа к образованию наиболее бедных представителей общины и «работа с регионами», иными словами, расширение радиуса действия образовательной политики из Риги в региональные представительства.

В качестве показателей успешной или менее успешной деятельности отделения ОПЕ предполагается проанализировать учебные планы основанных отделением учебных заведений, количество стипендиатов, уровень образования и опыта педагогов, а также протоколы различных заседаний правления отделения и переписку. В качестве индикаторов стратегического развития образовательной политики отделения особое внимание стоит уделить внутренним течениям в рамках отделения, спорам между так называемыми традиционалистами и модернистами — двумя группами в правлении отделения. Существовавшие тогда разногласия могут проиллюстрировать альтернативные пути развития образовательной политики и выявить мотивацию, аргументацию и шансы на успех той или иной концепции.

Основание общества и первые шаги.

Открытие рижского отделения ОПЕ

ОПЕ, которое было основано в Петербурге в 1863 г. с целью просвещения и оказания поддержки еврейскому населению империи, уже в 1867 г. внесло существенные изменения в свой устав. Изменения в основном гарантировали расширение деятельности ОПЕ и позволяли основывать отделения в других регионах. В первое десятилетие своей деятельности, как об этом сообщает Еврейская энциклопедия, ОПЕ в основном шло по следам множества других просветительных обществ и сосредоточилось на собирании и обработке материалов по истории и культуре еврейского народа, публикации брошюр и сборников по еврейской культуре⁴. Как мы увидим впоследствии на примере рижского отделения ОПЕ, получение юридических гарантий для расширения деятельности меняет цели и задачи общества, привносит идеи интеграции еврейского населения во множество изменений, которые происходили в Российской империи в период после отмены крепостного права и стремительного развития капиталистических

элементов в российской экономике. Индустриализация, либерализация законодательства и прочие инициативы центрального правительства для модернизации застывшего российского общества предоставляли новые возможности для индивидуальной и коллективной инициативы. Интеллектуальный и экономический потенциал элиты еврейского населения России предоставлял возможность для выхода еврейского населения из узких рамок сдерживающего развитие общины законодательства и так же, как в Германии периода объединения в 1870-х гг., давал импульс для *эмансипации еврейского населения и развития основ гражданской инициативы.

Одним из средств интеграции евреев в российское общество была интеграция в русскую культуру при сохранении основных целей и ценностей еврейской культурной эмансипации. Так же как и лидеры латышского населения в Прибалтике, еврейская культурная и экономическая элита находила возможным комбинировать в рамках культурной и образовательной политики проявления лояльности и патриотизма по отношению к многонациональному, но православному и «русскому» государству и верность собственным культурным приоритетам. Подобные выражения *Realpolitik* в области культуры и образования нередко гарантировали поэтапное достижение целей развития этнических культур в период интенсивной русификации, которая пришлась на кратковременное правление славянофила Александра III и начало правления Николая II.

В феврале 1896 г. правление общества обратилось в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить основать отделение в Риге. Решение об обращении к министерству с такого рода просьбой было результатом долгих и настойчивых просьб рижской еврейской элиты⁵. Стремление к основанию отделения ОПЕ объясняется особым положением еврейского населения Риги и окрестностей. Лифляндские евреи уже с XVII в. стремились поселиться в этом регионе, но только с усилением темпов индустриализации в конце XIX — начале XX в. большая часть еврейского населения Лифляндской губернии сконцентрировалась в Риге⁶. Несмотря на подобную концентрацию еврейского населения в экономически бурно развивающемся городе, оно не стремилось к активной позиции в процессе экономических трансформаций прибалтийского общества. Как вспоминает философ Исая Берлин (см. прим. 4 на с. 8—9. — *Ред.*), родившийся и проживший в Риге до 1915 г., рижские евреи сами создали гетто, в котором стремились жить обособленно, закрыто от других групп населения, и количество экономически эмансипированных представителей среднего класса среди них (в основном это были врачи и предприниматели) было невелико⁷.

Таким образом, несмотря на развитие экономики и расширение пространства для личной предпринимательской инициативы, большая часть еврейского населения Риги этой возможностью не пользовалась, и потому в момент основания отделения одной из насущных проблем мобилизации еврейского населения была необходимость выйти из самоизоляции, увеличить количество активных представителей общины. В этих задачах кроются и будущие приоритеты образовательной политики отделения.

В каких областях экономики и социальной стратификации находилось еврейское население Риги?

Согласно переписи населения 1897 г., евреи составляли 6,5 % рижского населения⁸. Еврейская энциклопедия описывает рижское еврейское население как мелких предпринимателей, ремесленников и представителей свободных про-

фессий — журналистов, врачей. Энциклопедия запечатлела следы нового процесса, который во многом стал возможен благодаря успешной образовательной политике еврейской общины, — стремительного исхода еврейского населения из Московского предместья⁹ Риги в другие, более элитные районы города и повышения роли еврейского купечества во внешней торговле Риги¹⁰. Согласно другим источникам, спектр еврейского населения включал в себя рабочих, мелких служащих, а также ремесленников и купцов¹¹. Еще одним фактором обособленности экономического развития рижских евреев, как и развития принципа экономической взаимопомощи и инициативы, являлась фрагментация Риги по принципу этнической принадлежности, которая простиралась на образование, экономику, культуру и другие области жизни. Фактор этнических сегментов города, по мнению авторов энциклопедии, способствовал усилению сплоченности евреев Риги¹².

Для характеристики деятельности нового отделения ОПЕ важно обратить внимание на то, кто возглавил рижское отделение ОПЕ, каким образом личный опыт и сфера деятельности руководства отделения могла влиять на формулирование целей рижского представительства ОПЕ.

31 марта 1898 г. местная немецкая газета *“Rigasche Rundschau”* («Рижское обозрение») информировала читателей о создании рижского отделения ОПЕ и упомянула имена двух наиболее видных его основателей и лидеров — председателя отделения купца Лейба Шалита и секретаря Пауля Минца¹³.

Краткий обзор деятельности первого председателя отделения Л. Шалита во многом напоминает классическую биографию успешного предпринимателя, представителя среднего класса, активно употребившего свой потенциал для достижения политических и культурных целей своей этнической группы. Так же как Бернхард Дирик и Кристап Берг, Евграф Чешихин и многие другие представители рижских этнических «средних классов», Л. Шалит объединял в себе предпринимателя и общественного деятеля, представителя интеллектуальной элиты и человека, связанного с идеями национального возрождения своего народа. Материалы биографии Л. Шалита сохранились фрагментарно, и большая их часть находится в Латвийском государственном историческом архиве. В Прибалтику Л. Шалит приехал из центральных губерний России в начале 1880-х гг. и стал одним из успешнейших предпринимателей. Большая часть его недвижимости была сосредоточена в северных губерниях империи. Успех на коммерческом поприще, согласно распространенному представлению об образе и деятельности представителей среднего класса, давал возможность Л. Шалиту возглавить и вести общественную жизнь своей этнической общины и постепенно выдвигаться в неофициальные ее лидеры. Основание и деятельность в Риге отделения ОПЕ давали дополнительную институцио-

Лейб Шалит

Пауль Минц

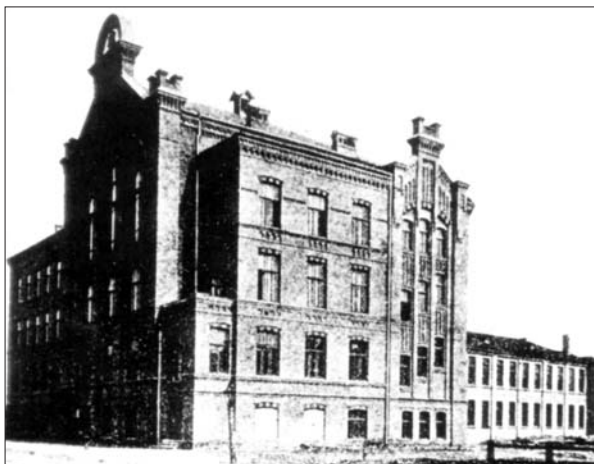
нальную основу для роли лидера. Подобная традиция распространялась на все этнические сегменты Риги, ярчайшим из которых стала деятельность Рижского латышского общества, из рядов которого впоследствии вышли будущие политики, министры и президенты нового Латвийского государства¹⁴.

Будучи активным участником общественной жизни еврейской общины, Л. Шалит принимал участие и в *сионистском движении, также способствовавшем объединению еврейского населения и носящем характер еврейского национального движения. Известно, что в 1884 г. Л. Шалит участвовал в сионистском конгрессе в Катовице (Польша). Уже в 1890 г., после того как правительство России признало в лице одесского комитета представительство международного сионистского движения, Л. Шалит стал координатором движения в

Лифляндии и Курляндии, регулярно внося при этом крупные взносы на цели организации. Во время международного сионистского конгресса Л. Шалиту была предложена ответственная должность руководителя *Еврейского колониального банка. Задачи менее глобального характера также требовали его внимания. В частности, внимания представителей элиты еврейского общества не обошла и популярность спортивного воспитания, здорового образа жизни. Строительство ремесленного училища и спортивного зала при нем стали причиной основания фонда Л. Шалита, который пожертвовал на эти цели 3025 рублей¹⁵. Активная жизнь Л. Шалита была прервана тяжелой болезнью, и 7 января 1906 г. он скончался. Детище Л. Шалита — Еврейское ремесленное училище получило по завещанию 5000 рублей, которыми управляло отделение ОПЕ с целью увеличения капитала фонда Л. Шалита¹⁶.

Моральные качества и практический опыт представителей среднего класса отразились также и в уставе отделения ОПЕ. Так, этот устав предполагал, что новые члены ОПЕ представляются по рекомендации действительных членов общества и избираются на общем собрании отделения. Новым членам вменялось в обязанность представить свои идеи по улучшению положения еврейского населения, распространения просвещения среди евреев и оказанию духовной и материальной помощи тем, кто занимается наукой, учится и просит их поддержки. При этом устав строго запрещал участвовать в работе общества и лишал права голоса тех, кто не платил членские взносы¹⁷. Таким образом, в задачи отделения входило решение более крупных проблем, чем подразумевали бы деятельность благотворительного общества и фрагментарные цели поддержания минимального уровня благосостояния еврейской общины. И состав правления, и проекты отделения до смерти Л. Шалита и после избрания председателем отделения его родственника юриста П. Минца свидетельствуют о новом пути развития еврейских общественных организаций: от благотворительности к мобилизации ресур-

сов, от фрагментарной работы к планированию культурной политики общины, при постоянном расширении числа участников и мобилизации различных слоев еврейской общины. В качестве подтверждения этих отличий служит и фрагмент из некролога на Л. Шалита. В опубликованных на русском и немецком языках некрологе и соболезнованиях семье на древнееврейском и немецком члены правления под-

Еврейское ремесленное училище в Риге. Фото начала XX в.

черкивали, что Л. Шалиту удалось возбудить интерес к делам отделения в самых различных кругах еврейского общества и вести деятельность в духе «здоровой еврейской национальной традиции»¹⁸.

При анализе требований отделения к будущим его членам создается образ активного, образованного еврея, который в состоянии ориентироваться в мире науки, способен стратегически планировать деятельность своего общества и наделен не только интеллектуальным опытом, но и преуспевает на предпринимательской ниве, занимается меценатством и направляет все свои усилия на расширение круга тех, кому доступен успех и качественное образование и кто сможет стать полноправным партнером в деле развития еврейской общины.

Об определенном финансовом благосостоянии потенциальных членов ОПЕ свидетельствуют и размеры членских взносов. Годовые членские взносы составляли 10 рублей. В 1908 г. сумма была снижена в центральных отделениях до 3 рублей в год, а в 1910 г. для прибалтийских членов общества — до 5 рублей¹⁹. Несмотря на увеличение еврейского населения Риги, суммы взносов и количество обязательств финансового характера, количество членов отделения было сравнительно небольшим: в 1903 г. — 520 членов²⁰, а в 1905 — только 430²¹.

Не только устав и суммы взносов, но и структура рижского отделения свидетельствуют о том, что большинство членов отделения были представителями торговли. На примере 1903 г. можно выявить некоторые особенности профессионального (социального) состава отделения.

Структура отделения показывает, что абсолютное большинство его членов принадлежало к представителям торговли и финансового мира. Количество представителей свободных профессий или интеллигенции занимает второе место, и абсолютно незначительное количество составляют рабочие и мелкие ремесленники. Как показывает пример открытия и работы Еврейского ремесленного училища в Риге, две наиболее значимые группы, которые в дальнейшем станут определять политику еврейской общины в области образования, по роду и специфике своей деятельности будут иметь больше различий, чем общего. Взгляды

Структура членов рижского отделения ОПЕ в 1903 г.²²

Таблица 1

Профессия (сфера занятости)	Абсолютное количество	% (округленные данные)
Торговля, финансы	300	57, 7
Технические профессии (инженеры, техники)	21	4
Свободные профессии (врачи, юристы)	120	23, 1
Ремесленники	20	3, 9
Рабочие	11	2, 1
Профессия или сфера деятельности не указаны	48	9, 2
Итого	520	100

на проблему модернизации и сохранения традиционных еврейских культурных ценностей в условиях меняющегося прибалтийского общества будут создавать резкие различия в составе отделения и приведут в рамках его деятельности к созданию двух своеобразных полюсов.

На примере споров по поводу содержания учебных программ упомянутого училища и возможных изменений в сторону традиционализма или же модернизации образования можно проверить обоснованность тезиса немецкого культуролога Яна Асмана о том, насколько в обстоятельствах экономической модернизации еврейская община остается верной основному принципу создания и передачи культурной памяти — консервации опыта и его постоянной актуализации через строгое следование ранее утвержденной традиции²³.

Ремесленное училище как концепция взаимопомощи и солидарности

Еврейское ремесленное училище, основанное в Риге после долгих проволочек в 1906 г., стало примером образовательной политики, которая предполагала инвестировать больше средств в создание начальных учебных заведений.

Брошюра, посвященная 30-летию юбилею училища, изданная незадолго до Второй мировой войны, в качестве главного достижения училища упоминает качественную работу, опыт и высокий уровень технического исполнения работ²⁴. Однако путь, пройденный училищем, был тернист, причем особенно тяжело проходил процесс основания и открытия училища, который натолкнулся на множество препятствий со стороны Министерства просвещения империи. Вдобавок трудности финансового характера также не позволяли развивать идею основания училища должными темпами. Председатель рижского отделения ОПЕ Л. Шалит инициировал основание училища уже в апреле 1898 г. Работа над проектом велась в двух отделах (комитетах) отделения — финансовом и образовательном. В качестве концепции, которую рижское отделение ОПЕ избрало в качестве примера для подражания, было сходное училище в Двинске Витебской губернии (ранее Динабург, в последствии Даугавпилс) и Цюрихе.

Однако уже год спустя, в 1899 г., работа над проектом зашла в тупик из-за нехватки средств. Для решения этой проблемы Л. Шалит, используя свое влияние и репутацию в кругах сионистского движения, обратился за помощью в *Еврейское колонизационное общество, которое сразу же предоставило сумму в 30 тыс. рублей, но при условии активного финансового участия еврейской элиты прибалтийских губерний. На поддержание проекта пошла часть сумм из так называемого *коробочного

сбора (форма финансовой самоподдержки для социальных и других нужд еврейского народа) а также щедрые пожертвования пяти видных еврейских предпринимателей Риги — Б. Мейера, А. Рабиновича, И. Фридмана, Л. Шалита и И. Элиасберга.

Тем не менее проблемы на этом не закончились. Требования Министерства просвещения империи к открытию нового учебного заведения повышали затраты (бюджет) проекта с 6500 до 11960 рублей²⁵. Поскольку такой суммы в распоряжении местных инициаторов не имелось, возникла необходимость вновь обратиться за помощью в центральные учреждения ОПЕ. В результате из Санкт-Петербурга в лице барона Гинцбурга пришло обещание поддержки в форме поручительства за финансовое обеспечение строительства училища. Параллельно центральное общество обращалось к рижскому отделению с просьбой о регулярном предоставлении информации о деятельности рижского отделения для газеты «Вестник общества для распространения просвещения между евреями в России», однако рижское отделение неоднократно игнорировало эту просьбу, особенно в 1910 г., когда стала выходить местная газета «*Идише итима*» («Еврейский голос») ²⁶. Вплоть до 1914 г. отделение игнорировало центральный печатный орган ОПЕ, концентрируя циркуляцию новостей еврейской общины в кругу местных изданий.

Независимость и относительная финансовая стабильность позволяла создать из отделения, которое таковым формально и было, что-то вроде самостоятельного регионального еврейского общества, во главе которого стояли представители местной еврейской элиты, имевшие при этом широкие контакты с международными еврейскими организациями. Так, например, участие Л. Шалита в сионистском конгрессе в Базеле и контакты в кругу рижского купечества позитивно влияли на решение Рижской городской думы поддержать строительство столь желанного для евреев училища. На строительство и работу училища была предоставлена ежегодная помощь в размере 2500 рублей из средств думы, а позднее была выделена одноразовая сумма в 5500 рублей.

Выбор профиля училища во многом отображал ситуацию рижского еврейского населения в социально-профессиональном плане. Небольшое участие евреев Риги в индустриализации и промышленности города и региона²⁸ повлияло на то, что среди предметов доминировали те, которые давали возможность стать высококлассным специалистом на производстве. Те немногие евреи Риги, которые работали на производстве в качестве наемных рабочих, были связаны с областями, далекими от индустриальных процессов, происходящих в Прибалтике, были сосредоточены на экспортно-импортных операциях²⁹. Евреи-рабочие в Европе были меньшинством, и эту тенденцию отмечали многие исследователи тоталитаризма и тоталитарных движений, в том числе Ханна Аренд³⁰.

В 1902 г. были улажены все бюрократические формальности. В очередной раз помощь Рижской думы в приобретении дешевого земельного участка позволила значительно продвинуть проект, который отныне имел конкретные черты — частное еврейское ремесленное училище.

После четырехлетнего строительства училище было освящено в октябре 1906 г., уже после смерти Л. Шалита, который так и не увидел результата своих трудов. Открытие училища происходило на фоне возрастающего антисемитизма в период революции 1905—1907 гг., особенно отчетливо видимого в прибалтийской русской прессе. Так, газета «Рижский вестник» проигнорировала открытие училища, зато почти ежедневно упоминала, что евреи являются при-

чиной бедствий России. В качестве фона, который составлял печальную реальность межэтнических отношений в России после 1905 г., можно привести реакцию газеты «Рижский вестник» на проходивший в Киеве Конгресс русского народа. 9 октября 1906 г. газета давала отчет о собрании монархических организаций России и подчеркивала, что интересы еврейского народа везде находят поддержку в ущерб интересам русского населения³¹. Обширные цитаты с заседаний были дополнены и полным текстом так называемого «еврейского закона», проект которого предполагал объявить евреев иностранцами и преградить им доступ к определенным профессиям, например предполагалось запретить работать врачом, аптекарем и учителем в школе, учащиеся которой исповедуют православие³².

Параллельно наступление на еврейскую культуру велось и в политической плоскости. Попытка консервативных кругов России представить партию кадетов как идею еврейского заговора, нашла отражение и поддержку в «Рижском вестнике», который 23 октября 1906 г. пытался убедить читателя в том, что рижские евреи тоже являются врагами единства России и их суть — это политическая секта фанатиков, которая является пятном на теле местной политической жизни³³.

Подобные антисемитские фантазии не разделял либеральный печатный орган «Рижские ведомости», который хотя и проигнорировал открытие училища, но зато превозносил пожертвования русских на нужды еврейской библиотеки (300 рублей от частного лица русской национальности). Эту информацию днем позже перепечатала латышская газета „Bals” («Голос»)³⁴.

Несмотря на подобный политический и идеологический фон усиливающегося антисемитизма, в основе которого в Прибалтике была экономическая конкуренция между различными этническими группами³⁵, поддержка идеи училища со стороны Рижской думы, в которой представители русской политической элиты были в меньшинстве, обеспечила успешное начало этого проекта. Однако после начала работы рижское отделение ОПЕ затронули различные внутренние противоречия, в основном связанные с содержанием учебных программ. Вскоре эти противоречия переросли в дискуссию о принципиальном направлении политики в отношении евреев в Прибалтике.

Культурная практика рижского отделения ОПЕ: внутренние разногласия в области образовательной политики

В начале 1906 г. Рижское отделение должно было избрать нового руководителя и обсудить свой бюджет. Оглядываясь на деятельность отделения в 1905 г., можно констатировать, что среди основных задач было поддержание учащихся еврейского происхождения — 530 рублей для студентов Рижского политехнического института (будущий Латвийский университет во времена Первой Республики 1918—1940) и 150 рублей для студентов Юрьевского (ныне Тартуский) университета. На нужды школьников (плата за обучение и учебники) в 1905 г. было потрачено 2600 рублей. Параллельно еврейский дамский комитет собрал в 1905 г. 800 рублей для школьников и активно участвовал в посещении школьников на дому³⁶. Наряду с этим оказывалась поддержка послебеденной школе, которая была основана по инициативе Л. Шалита и которую посещали 65 детей. Эта школа была бесплатной и потому требовала ежегодно около 700 рублей.

Фонды рижского отделения ОПЕ за 1905 год³⁷

Название фонда	Сумма (р.)
Неприкосновенный фонд (основной)	7 750
Фонд раввина Пухера	6 000
Фонд Лейба Шалита	3 723
Фонд филистеров для студентов Политехникума	3 325
Фонд пятерых основателей отделения (крупные меценаты Б. Мейер, А. Рабинович, И. Фридманн, Л. Шалит и И. Элиасберг)	7 000
Фонд барона Гинцбурга	3 332
Фонд на нужды ремесленного училища	3 000
Фонд для летнего лагеря	4 000
И т о г о на 1905 г. (включая все имеющиеся средства отделения)	54 389

Для представления о средствах отделения, которые могли быть использованы для нужд только что основанного училища, приводится список фондов, которые составляли основу капитала отделения.

Региональные проекты зачастую финансировались из средств центрального комитета ОПЕ в Петербурге. В основном это было приобретение *Торы и ее рассылка в региональные центры еврейской культуры. Так же как и дополнительное финансирование школы, приобретение Торы в годовом отчете было оформлено как тесное сотрудничество с центральным обществом³⁸. Из средств рижского отделения финансировались лишь немногие и скромные по объему финансирования проекты — поддержка учителей или приобретение книг для региональных библиотек требовали лишь 70 рублей в год³⁹.

Несмотря на возраставший в России антисемитизм, рижское отделение вело активную переписку с различными научными и просветительскими обществами страны. Так, в качестве возможного сотрудничества на ниве образования завязалась активная переписка с Лигой просвещения, основанной в марте 1906 г. Так как одной из целей лиги было развитие образования в духе демократического общества⁴⁰, а также предполагалось открытие ее филиала в Риге и большой объем пожертвований, рижское отделение ОПЕ видело в лиге стабильного и выгодного партнера.

Один конкретный проект, который был поддержан центральным обществом (ОПЕ), демонстрирует пример деятельности рижского отделения в региональных центрах еврейской культуры.

На заседании отделения 29 апреля 1900 г. Л. Шалит информировал о том, что центральное общество готово выделить 100 тыс. рублей на улучшение качества еврейского образования, но при этом требует детального отчета о состоянии дел в этой области⁴¹. Отделение решило принять это предложение и назначить обширную инспекцию региональных еврейских учебных заведений. Руководство этим проектом было поручено учителю Л. Фишману, которому назначили жалование в 100 рублей и компенсацию дорожных расходов.

Для рижского отделения подобное предложение было заманчивым, ибо предоставляло возможность не только получить крупную сумму для продолжения образовательных инициатив, но и могло утвердить символическую власть рижского отделения ОПЕ в Прибалтике, продемонстрировать свое влияние, а также создать детальное представление о положении дел в регионах. Тем самым проект отделения превращался в обширную инспекцию.

В тот же день была разработана детальная инструкция для инспектора, которому строго запрещалось вступать в контакт с теми, кто мог бы повлиять на ясность картины⁴².

Результаты инспекции были готовы и представлены на суд руководства отделения 7 августа, и результаты эти были более чем неудовлетворительными. Отмечалось, что в Кандау (ныне Кандава), и Тальсене (ныне Талсы) школы вообще отсутствуют⁴³. Вот только несколько фрагментов из отчета о положении дел в провинции: «Около 10—15 % детей школьного возраста посещают христианские частные или государственные учебные заведения или их отсылают в пансионы... Грязные помещения часто являются и жилой комнатой, и спальней учителей. Простой стол и скамья без спинки составляют всю мебель»⁴⁴. Критику заслужил и уровень преподавания русского языка. Столь же негативный отзыв прозвучал также в адрес женского образования.

Результаты инспекции дали толчок для потока просьб о поддержке региональных школ или же основания новых учебных заведений. В результате проект отделения перерос в крупномасштабную акцию по обновлению образовательной политики местной еврейской общины. Во время поездки по регионам Л. Фишману удалось заручиться поддержкой региональной администрации — в Тальсене он получил заверения барона фон Штротмберга в поддержке инициатив отделения⁴⁵.

Одним из важных результатов поездки, упомянутых в отчете, было стремление создать учебные программы на «рациональной» основе, а также поддержка женского образования. Эти идеи перекликались с требованиями центрального общества и могли гарантировать получение необходимых средств на модернизацию учебного процесса. Таким образом, обновление учебного процесса открывало возможность для укрепления роли отделения в регионах. Установление более интенсивных связей с региональными центрами и развитие новых приоритетов, направленных на эмансипацию еврейского населения посредством прагматичной образовательной политики, давало возможность и женской части еврейской общины стать социально более самостоятельной. Эти идеи нашли отражение в открывшемся несколько лет спустя ремесленном училище и других инициативах отделения.

В то же время в политике отделения сохраняется опасение потери национальных и религиозных ценностей еврейского народа. Недовольство тем, что еврейские школьники получают образование у христианских учителей, находит свое место не только в отчете, но и в своеобразном противостоянии двух флангов отделения. Однако и в этой ситуации отделение смогло предотвратить раскол и нашло эластичный метод сохранения традиционных ценностей наряду с модернизацией образования. В небольших городках, как, например, в новой школе в Гробине, количество предметов, относимых к точным наукам, было куда меньше, чем предметов, способствующих сохранению традиций и обычаев (3 часа математики и 10 часов древнееврейского языка). Таким образом, ориентация на модернизацию системы образования во многом зависела от особенностей региональных центров и их роли в усиливающейся конкуренции капитала и интеллекта.

Логично ожидать, что деятельность рижского Еврейского ремесленного училища стала ареной разногласий по поводу сохранения ценностей и их трансформации.

Еврейское ремесленное училище: предметы как признак модернизации?

Процесс создания и открытия училища регулярно сталкивался с нехваткой финансов, и эти же проблемы давали о себе знать еще несколько лет после его открытия. В 1908 г. вновь стал актуальным вопрос о стабильности этого дорогостоящего проекта. Тревоги руководства отделения по поводу жизнеспособности училища заставили нового руководителя отделения Пауля Минца, который одновременно руководил и школьным комитетом, детально информировать о положении дел в области образования в еврейской общине. Суть его доклада состояла, во-первых, в описании потенциала еврейской общины Риги и Прибалтики. П. Минц отметил, что, согласно его субъективному мнению, он верит в необходимость существования такого училища, потому что еврейское население, по его словам, обладает всеми данными для успешного участия в новых отраслях производства. П. Минц упомянул также позитивные отзывы столичных специалистов, которые вселили в него уверенность, что училище обладает всеми данными для успешной работы и, несмотря на малое количество учащихся, должно продолжать свою работу⁴⁶. Он предполагал увеличение числа учащихся с открытием электротехнического класса. Речь П. Минца дает также представление о дополнительных расходах отделения на содержание вечерних курсов, библиотеки и читального зала, которые, как все образцовые проекты, по мнению докладчика, требуют больших затрат⁴⁷.

Несмотря на то, что деятельность училища требовала дополнительных инвестиций в 1000 рублей, которые в 1908 г. П. Минц как глава правления отделения распорядился выделить в обход традиционного порядка, критика по поводу перерасхода средств, исходящая от отдельных членов правления (купец М. Киссин), общее собрание отделения оправдало действия председателя и критика так и осталась на уровне слов⁴⁸.

Однако дискуссии между сторонниками традиционного и модернизированного направления деятельности училища продолжались, и традиционалисты сформулировали конкретные претензии к содержанию учебных программ училища. Если в начале работы училища большая часть предметов была направлена на интеграцию в русскоязычную среду (пять часов русского языка в неделю и ни одного часа немецкого языка, это касалось также и послеобеденной школы) и на новые производственные процессы и технологии (большое количество уроков черчения), то традиционалисты сочли неприемлемым тот факт, что в расписании было только пять предметов для сохранения еврейской традиционной культуры и при этом большая часть учителей были христианами (возражения зубного врача С. Клионского).

А. Миренский, еще один представитель группы традиционалистов, критиковал политику отделения под руководством П. Минца за чрезмерно активную работу в области присуждения стипендий, освобождавших самые бедные семьи от необходимости вносить плату за обучение и дававшие возможность детям из этих семей шанс на профессиональное образование. По мнению оппозиционеров, подобная практика «деморализует» еврейское население⁴⁹. А. Миренский, обращаясь к прошлому, подчеркивал, что раньше каждый уважающий себя еврей был способен заплатить за учебу своих детей, а теперь никому не нужные стипендии и финансирование школы расхолаживают еврейское население⁵⁰. В свою очередь традиционалисты услышали критику в свой адрес из-за слишком бук-

вального следования древнееврейской культуре, которая, по мнению модернистов, не имела прямого отношения к развитию ремесленного училища.

Дискуссия, сохранившаяся для истории в архивах рижского отделения ОПЕ, показывает разнообразные воззрения руководства отделения на баланс между традиционными составляющими еврейского образования (язык и история народа и религии) и стремлениями создать современную конкурентоспособную концепцию профессионального ремесленного образования с акцентом на новые, так называемые технические профессии, которые предполагали сокращение числа традиционных предметов изучения еврейской культуры.

Ответ на критические замечания С. Клионского демонстрирует некоторые аргументы группы модернистов. Так, А. Миренский, отвечая на критику С. Клионского, отметил, что в каждом классе уже сейчас два часа преподаются так называемые еврейские предметы и нет необходимости увеличивать число отводимых на них часов, потому что училище готовит ремесленников, и набор детей с 13-летнего возраста уже подразумевает наличие знаний в области еврейской культуры. Если бы в школе не изучали древнееврейский язык, который, по мнению А. Миренского, является данью традиции, то было бы возможно увеличить количество часов, посвященных истории еврейского народа. Что касается религиозной принадлежности учителей, то А. Миренский отметил нехватку учителей-иудеев по большинству специальностей, за исключением столяров⁵¹.

Оценивая разногласия по поводу развития ремесленного училища, а также анализируя объемы и виды финансирования учебного процесса для евреев Риги и других регионов прибалтийских губерний, можно прийти к следующим выводам:

1) выбор предметов и соотношение между ними свидетельствуют о ясной концепции «индустриализации» и модернизации еврейского населения. Целенаправленная поддержка областей образования, ориентированных на успешную профессиональную конкуренцию, становилась основой для создания стабильного, экономически независимого и компетентного еврейского среднего класса в его английском понимании (*lower middle class*);

2) контекст положения еврейского населения в России начала XX в. делал качественное профессиональное образование одной из немногих возможностей для еврейского населения активно действовать на рынке труда и все активнее — на рынке политических идей и идеологий тогдашнего российского и прибалтийского общества, благодаря возрастающей финансовой и экономической независимости;

3) концепция политической и экономической эмансипации еврейского населения предполагала компромисс между традиционными ценностями, культурным прошлым еврейского населения и новыми экономическими реалиями развивающейся экономики и производства.

В составе рижского отделения ОПЕ представители еврейских деловых кругов преобладали не только количественно, но и смогли использовать ситуацию на рынке труда и быстрое развитие конъюнктуры для своего качественного доминирования. Стремления традиционалистов сохранить доминанту религиозно-культурного образования потерпели неудачу.

Идея активного участия еврейского населения в экономической и позднее политической жизни Риги и Прибалтийского края имела свое продолжение и во многом отличалась от представлений других этнических групп Риги о политиче-

ской и экономической эмансипации. Еврейская образовательная политика предполагала активное участие в профессиональном образовании также женской части общины.

Женское образование как составная часть эмансипации еврейской общины

В качестве иллюстрации прогрессивного и интегрирующего (*inclusive*) подхода к вопросам образования общины и поддержания экономической и гражданской независимости индивида можно проследить историю создания и деятельности Рижской женской еврейской гимназии. Пример деятельности этой гимназии интересен не только потому, что демонстрирует политику местного отделения ОПЕ, но и потому, что концептуально отличается от представлений других рижских этнических общин о роли женщины, ее профессиональной занятости и карьеры. (В своей статье о роли женщины в латышском национальном движении автор этих строк уже писал о том, что латышское национальное движение в основном было мужским проектом, предполагавшим для женщины лишь пассивную — созерцательную и репрезентативную функцию⁵².)

Создание женской гимназии началось почти одновременно с открытием и началом работы ремесленного училища. В начале 1907 г. руководство рижского отделения ОПЕ обратилось к местной администрации с просьбой разрешить открытие женской гимназии, которая предполагалась как частное учебное заведение, открываемое на средства отделения⁵³. Разрешение было получено 7 июля 1907 г. Почти одновременно в адрес отделения стали поступать прошения о зачислении в штат учителей школы. Среди претендентов были некоторые учителя с высокой квалификацией и большим опытом работы; некоторые учителя, писавшие из центральных губерний, работали педагогами более десяти лет — Ф. Эльяшева из Могилева, С. Берков, а также Гецель Рамм с 16-летним педагогическим стажем, проработавший в еврейской школе более восьми лет. Новая гимназия пользовалась популярностью и была желанным местом работы не только среди иногородних преподавателей — рижские учителя также подали прошения о зачислении в штат, в том числе Роза Герцфельд и Аарон Штерлин⁵⁴.

Выбор преподавателей проходил в кругу руководства отделения, и общее собрание в этом процессе не участвовало. Несмотря на то, что женские кандидатуры были не менее профессиональными, руководство отделения все же отдало предпочтение кандидатам-мужчинам, и на должность директора гимназии был избран рижанин Г. Рамм, а за кандидатуру г-жи Вольперт, согласно протоколу заседания от 21 августа 1907 г., проголосовали только четыре человека. Однако кандидатура Г. Рамма вызвала протесты со стороны некоторых участников комиссии, которые считали, что кандидатура женщины была бы более угодна и

Гецель Рамм

Расписание предметов Рижской женской еврейской гимназии

Предмет	I год	II год	III год	IV год
Религия еврейского народа	2	2	2	2
Русский язык	8	8	6	6
Древнееврейский язык	4	4	3	3
Немецкий язык	—	4	3	3
Арифметика	5	5	5	5
История Отечества	—	—	2	2
История еврейства	—	—	2	2
Правописание	2	2	2	—
Рисование	—	—	—	—
Пение	1	1	—	—
Вышивание	2	2	2	2

Министерству просвещения. Поэтому, как отметил член комиссии В. Лунц, неосмотрительно идти против желаний чиновников⁵⁵. В выборе кандидатуры, несмотря на очевидную поддержку кандидатуры Рамма, отделение в очередной раз показало способность быстро и эластично реагировать на импульсы, исходящие от представителей администрации. На следующем заседании правления отделения, которое проходило 13 сентября 1907 г., кандидатура Г. Рамма была отклонена в пользу г-жи Вольперт⁵⁶.

Помимо изменений в штате будущего учебного заведения отдел просвещения Рижской думы направил отделению просьбу изменить некоторые предметы и их соотношение в учебной программе⁵⁷.

В октябре 1907 г., после тщательной работы над программой гимназии, состоялось ее открытие. В начале работы количество учениц составляло 141. Согласно расписанию предметов, женское образование включало в себя предметы, целью которых было дать ученицам многостороннее образование и практические знания параллельно с историей еврейской культуры и России.

Анализируя комбинацию предметов, можно констатировать, что количество предметов, целью которых является сохранение идентичности и еврейской культуры, было «компенсировано» теми предметами, которые давали практические навыки и позволяли в будущем работать либо машинистками, либо учительницами.

Финансирование гимназии предполагалось из средств коробочного сбора, и административно гимназия находилась в ведении Рижского учебного округа. За

Таблица 4
Годовой бюджет гимназии на год (р.)⁵⁹

Зарплата учителям	2750
Зарплата директора	300
Хозяйственные расходы	600
Библиотека	50
Приобретение учебников	50
На поддержку бедных учениц	100
Канцелярские товары	30
Итого за год	3880

год обучения ученицы должны были платить чисто символическую сумму в 2 рубля, и только 25 % всех учениц могло быть освобождено от платы за обучение⁵⁸. Большая часть годового финансирования предполагалась на жалование учителям.

Анализируя содержание предметов, необходимо упомянуть о практическом направлении учебных программ, которые, как правило, подразумевали получение практических знаний. Параллельно особое внимание уделя-

лось физическому здоровью учениц — для этой цели школьный врач должен был постоянно наблюдать состояние здоровья своих подопечных. Во время перемен ученицы должны были в обязательном порядке делать гимнастические упражнения⁶⁰.

Для наиболее бедных учениц предполагался курс вязания и шитья с акцентом на починку одежды. Таким образом, учебные программы предполагали ориентацию на различные стороны профессионально-технического образования с целью повысить шансы на финансовую стабильность для различных слоев еврейского женского населения.

Резюме

Содержание и процесс функционирования, финансирование образовательно-го процесса, координируемое рижским отделением ОПЕ свидетельствуют о том, что приоритетной целью образовательной политики было создание финансово независимого, стабильного индивида. Образовательная политика должна была создать предпосылки для повышения конкурентоспособности еврейского населения в целом. Индивиду, таким образом, отводилась позиция проводника идей экономически независимой и компетентной общины. Женское образование, нацеленное на получение практических знаний, дополняло и расширяло спектр групп, могущих получить доступ к профессиональной деятельности и, следовательно, к самостоятельности. Культурная изоляция и самоограничения политической и общественной деятельности представляли в глазах отделения основные препятствия на пути усиления роли еврейской общины в условиях конкуренции среди этнических общин прибалтийских губерний Российской империи. При этом акцент делался на повышение профессионализма в новых и традиционных областях производства, которые к тому же выдвигались на первый план по уровню доходности. Понижение значения традиционных предметов еврейских школ и увеличение предметов, которые требовались на рынке труда, было средством достижения цели.

В целом образовательная политика рижского отделения ОПЕ демонстрировала успешный синтез двух приоритетов еврейской культурной политики в начале XX в. — сохранение определенного объема традиционной еврейской культуры, истории и религиозной идентичности и активная экспансия на рынке труда благодаря модернизации профессионально-технического образования. Такой успешный баланс традиций и новаций демонстрировал способность восприятия и адаптации к динамичной экономической трансформации, переживаемой Прибалтикой в начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полную картину количества и разнообразия форм школ в Латвии можно получить на сайте: www.izm.gov.lv (домашняя страница Министерства образования и науки Латвийской Республики). Один из языков страницы — английский.

² Полный текст закона и поправок см.: www.likumi.lv (здесь собраны законодательные акты Латвийской Республики).

³ Час. 2002. 15 марта; 2003. 24 мая.

⁴ Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. [СПб., 1908—1913]. Т. 13. Стб. 59.

⁵ Rīgas žīdu amatniecības skola. R., 1937. 4. lpp.

- ⁶ Из 26 793 ливонских евреев 80 %, или 22 097 проживали в Риге (*Levins D. Ebreju vēsture Latvijā: No arpešanās sākumiem līdz mūsu dienām*. R., 1998. 13. lpp.)
- ⁷ *Berlins J. Starp filozofiju un ideju vēsturi*. R., 1998. 10.—11. lpp.
- ⁸ *Dribins L. Ebreji Latvijā*. R., 1996. 9. lpp.
- ⁹ См. прим. 9 на с. 61.
- ¹⁰ Еврейская энциклопедия. Т. 13. Стб. 486.
- ¹¹ *Bobe M. Four hundred years of the Jews in Latvia // The Jews in Latvia*. Tel-Aviv, 1971.
- ¹² Еврейская энциклопедия. Т. 13. Стб. 485.
- ¹³ *Rīgasche Rundschau*. 1898. 31. März. (Минц Пауль (Павел Михайлович) (1868—1941) — адвокат, ученый-правовед, общественный и государственный деятель Латвии. Родился в Динабурге Витебской губернии (ныне Даугавпилс в Латвии). Основатель и бессменный руководитель отделения ОПЕ в Риге. В 1919—1921 гг. государственный контролер в правительстве Латвийской Республики, член Народного совета Латвии (предпарламента) и Учредительного собрания; один из авторов Конституции Латвии и председатель комиссии по разработке Уголовного кодекса, автор ряда других правовых документов. В 20—30-е гг. — профессор уголовного права Латвийского университета, председатель коллегии еврейских адвокатов Латвии, председатель Еврейской национально-демократической партии, председатель комиссии по подготовке проекта еврейской национальной автономии, член *Еврейского агентства. В 1940 г. арестован советскими репрессивными органами, депортирован в город Канск Красноярского края и заключен в лагерь, где погиб. — *Red.*)
- ¹⁴ О процессе институционализации латышского национализма и представителей среднего класса см.: *Hanovs D. Pilsonības pārcīja: Baltijas Vēstnesis*, 1868.—1906. R., 2003.
- ¹⁵ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 2016, оп. 1, д. 59, л. 3.
- ¹⁶ Там же, л. 5.
- ¹⁷ Там же, л. 9.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Еврейская энциклопедия. Т. 13. Стб. 61—62.
- ²⁰ ЛГИА, ф. 2016, оп. 1, д. 103 (списки членов общества на немецком языке).
- ²¹ Там же, д. 18, л. 82 (выдержки из годового отчета).
- ²² Там же, д. 103.
- ²³ *Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis*. [S. l.,] 2000. S. 69.
- ²⁴ *Rīgas žīdu amatniecības skola*. 4. lpp.
- ²⁵ *Ibid.* 6. lpp.
- ²⁶ ЛГИА, ф. 2016, оп. 1, д. 120, л. 12.
- ²⁸ Еврейская энциклопедия. Т. 13. Стб. 486.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Ārente H. Totalitārisma izcelsme*. R., 2000. 56. lpp.
- ³¹ Риж. вестн. 1906. 9 окт.
- ³² Там же. 14 окт.
- ³³ Там же. 23 окт.
- ³⁴ *Balss*. 1906. 23. okt.
- ³⁵ *Дрибин Л.* Латышская пресса о взаимоотношениях латышей и евреев // Евреи в меняющемся мире: Материалы 1-й Междунар. конф., Рига 28—29 авг. 1995 г. Рига, 1996. С. 229.
- ³⁶ ЛГИА, ф. 2016, оп. 1, д. 18, л. 82.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же, л. 83.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, л. 90.
- ⁴¹ Там же, д. 39, л. 1.

- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же, л. 14.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же, д. 55, л. 4.
- ⁴⁷ Там же, л. 1.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же, л. 4.
- ⁵⁰ Там же, д. 39, л. 1.
- ⁵¹ Там же, д. 55, л. 4.
- ⁵² *Hanovs D.* Woman in the national movement ideology in Latvia in the 19th century // *Women in Baltic societies: past and present* / Ed. M. Goloubeva, D. Hanovs. R., 2002. P. 21—36.
- ⁵³ ЛГИА, ф. 2016, оп. 1, д. 101, л. 3.
- ⁵⁴ Там же, л. 14—15.
- ⁵⁵ Протокол заседания от 21 авг. 1907 г.
- ⁵⁶ Протокол заседания от 13 сент. 1907 г.
- ⁵⁷ Там же. Док. от 4 сент. 1907 г. № 6485 (л. 17).
- ⁵⁸ Устав рижского еврейского земского начального училища (там же, л. 29).
- ⁵⁹ Там же, л. 28
- ⁶⁰ Учебная программа. Русский язык (там же, л. 24).